

**Протоиерей
Всеволод Чаплин**

Протоиерей
Всеволод Чаплин

ТАЙНЫ ЦЕРКВИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 235.3

ББК 86.372

Ч-19

При содействии
литературного агентства Олега Зоберна

Чаплин Всеволод, протоиерей

Ч-19 Тайны Церкви / Протоиерей Всеволод Чаплин. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 284 с. — (Книги о святых и верующих).

ISBN 978-5-17-098986-7

Всеволод Чаплин — одна из ярких и не однозначных фигур современной церкви. Порой его высказывания вызывают бурную реакцию общества и яростные споры. Однако отца Всеволода отличает не только решительность, но искренность и честность, прежде всего, перед самим собой. Священник, журналист и писатель в своей новой книге рассказывает об основах православия и важнейших проблемах, встающих перед христианами в XXI веке.

УДК 23/28

ББК 86.372

ISBN 978-5-17-098986-7

© ООО «Издательство АСТ», 2016

ОТ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Вместо уроков я был на утрене. Мне там интересно».

Священник Русской Православной Церкви, протоиерей Всеволод Анатольевич Чаплин родился 31 марта 1968 года в Москве. Редкий случай, когда в семье атеистов вырастает будущий священник. Отец Всеволода Чаплина Анатолий Федорович — технарь, выпускник Московского энергетического института, кандидат технических наук, профессор, посвятивший свою жизнь изучению и усовершенствованию антенн — не только наземных, но и космических. Здесь как будто бы пересекались интересы отца и сына — в космосе. Только один помогал изучать межзвездное пространство, а другой — верить в Чудо Вселенной.

Последние годы отец жил на Украине, во Львове, занимал должность заведующего кафедрой радиотехнических устройств в составе радиотехнического факультета Львовского политехнического института. Часто бывал в Королеве, где читал лекции по антенно-фидерным устройствам в Ракетно-

космической корпорации «Энергия» и со-трудничал по вопросам создания антенн для долговременных орбитальных космических станций и многоразовых космических кораблей «Буран».

Про мать Всеволод Анатольевич не рассказывает. Известно только, что она «полуверующая» и что ее взгляды за последние 30 лет не сильно изменились. Живет Чаплин в родительской квартире в московском районе Гальяново вместе с матерью и младшим братом, имя которого также неизвестно. Но известно, что он рок-музыкант.

Зато Всеволод Анатольевич не скрывает своего отношения к своей 836-й московской школе (теперь учебно-воспитательный комплекс № 1688), признаваясь, что там «почти не учил физику, химию и математику, зная, что эти предметы в жизни ему не пригодятся, а «удовлетворительно» ему все равно поставят». Не только не учил, но и прогуливал уроки. «Я как-то спросила: “Сева, почему ты вчера не был в школе?”» — вспоминала учительница географии Галина Тургенева. — Он ответил: «Я был в церкви, я не гулял». Я возразила: «Но это же можно и после уроков». — «А я был на утрене». — «И что тебе там?» — «Мне там интересно».

* * *

А вот что ему точно пригодится в жизни, он уже знал в 13 лет: религия. По собственным словам Чаплина, к вере он пришел сам. В своих дневниковых записях «Лоскутки» он пи-

шет: «Еще в ранние школьные годы я с каким-то особым, «предчувственным» вниманием собирал из советских учебников все крохи знаний о вере и Церкви, что там содержались». Приход к вере произошел во время первого самостоятельного, не «на экскурсию», прихода Всеволода в Богоявленский патриарший собор в Елохове, «чтобы купить «модный» тогда крестик», после чего Чаплин понял: «Здесь останусь».

К тому времени он перечитал и много атеистической литературы, и прослушал массу иностранных радиопередач, где речь шла о религии: «Голос Америки», «Радио Свобода», «Радио Ватикан», «Голос Израиля», «Радио Швеции». Полученные знания, в конце концов, еще больше утвердили его в правильности выбранного пути: «Без всякого внутреннего интеллектуального диалога я понял, что Бог есть, и он призывает меня».

* * *

«Первым человеком, с которым я заговорил, — вспоминает священник, — стала очень благородного вида старушка за ящиком Елоховского собора. С ее объяснений — бесхитростных, но очень убежденных — начался мой путь ко Христу... Вскоре отец Вячеслав Марченков совершил надо мной чин оглашения, а летом 1981 года в Калуге я был крещен отцом Валерием Суслиным. Крещение было совершено в номере гостиницы, где жил отец Валерий, — втайне от всех, включая мою родню, которая мой выбор совершенно не одобряла».

Только по чистой случайности Чаплин за такой «позорный» проступок не был исключен из рядов пионеров. Видимо, помогла природная скрытность, потому что, по словам его одноклассников, «в школьные годы он никак не проявлял себя как человек верующий и пытающийся с кем-либо обсудить это или кого-либо наставить на путь истинный».

* * *

Вообще, Всеволод слыл «немного странным» мальчиком, сторонившимся ровесников. Был очень тихим, замкнутым, скромным, неулыбчивым. Разговаривать не любил, потому что заикался, дикция была нечеткой – от дефекта удалось избавиться только в тридцать лет. Одноклассники вспоминают, «когда во дворе играли в войнушку, завоевывали ледяные крепости, Сева в этом не участвовал, говорил, что драться и шкодить – плохо».

* * *

А вместе с тем в душе Всеволода зрел дух протеста. С 15 лет он стал посещать собрания «подпольных», диссидентских православных общин. Например, общину отца Александра Меня, которого называет «апостолом советской интеллигенции», и общину отца Димитрия Дудко, в круг общения которого, по признанию Чаплина, «в отличие от круга Меня, попасть было очень просто». Обе эти общины находились как будто на разных полюсах. Отца Димитрия считали монархистом и российским патриотом, а отца Алек-

сандра — «западником». «Хотя я не представляю себе отца Александра сбежавшим в Европу и жившим там спокойной и тихой жизнью, — вспоминал Чаплин. — Это был совершенно другой человек — по-пастырски, по-христиански способный вдохновить своей энергией, своим умением отдавать все-го себя ради проповеди». Но на проповеди Меня приходило меньше людей — не более двух десятков, тогда как в комнатку при храме, где проводил свои беседы Дудко, набивалось больше сотни его последователей. Отца Димитрия могли слушать часами, потом вместе молились и пели. Иногда подпольные собрания проходили на квартире одного из прихожан Дудко — и там яблоку негде было упасть. К Мению же чаще приходили для частного разговора с глазу на глаз.

* * *

По признанию Всеволода, он сразу влился в этот узкий, но удивительный круг верующей молодежи, которая принадлежала к разным религиям и конфессиям: православным, католикам, иудеям, баптистам, пятидесятникам. Кем-то двигало чувство протesta, кто-то искал реальность, отличавшуюся от советской действительности, кто-то видел в церковной жизни колорит и экзотику. Были и самые настоящие диссиденты, за которыми следил КГБ, и самые обыкновенные советские служащие, которые не боялись открыто говорить о своей вере в Бога, а не в коммунизм. Верующие в то время собирались в так называемом москов-

ском «треугольнике», образованном тремя культовыми учреждениями — это Антиохийское подворье, католический приход святого Людовика и синагога. И говорили не только о Боге, но и о политике: о возможности ядерного конфликта между СССР и США, о государственных лидерах Черненко, Андропове, Горбачеве, о будущем России. Ведь в этом «бульоне» тогда «варилось» и много настоящей ищущей интеллигенции, искренне переживающей за страну.

* * *

Чаплин даже тусовался на «гоголях» (Гоголевском бульваре. — Ред.) с хиппи. Сначала «неформалы» Всеволода воспринимали очень негативно из-за его внешнего вида: кожаный плащ, галстук, кейс — этакий аккуратист на фоне хиппарей в рваных джинсах и с немытыми патлами. Но поскольку в кейсе у Севы всегда была специально припасенная бутылочка горячительного, то со временем хиппи приняли его в свой круг.

* * *

А их — стукачей — в неформальной тусовке всегда было много. Ведь в диссидентской среде по рукам ходили и запрещенные книги, и наркотики, и валюта, и фарца, и другой нелегальный товар. Крутились рядом и иностранцы, и политические провокаторы, и просто психи. На них и доносили «гэбистам» стукачи. И если кого-то из этой «антисоветской» тусовки вызы-

вали в «контору», это означало, что ему надо было уезжать из страны, иначе его посадят.

* * *

«День мог, например, сложиться так, — рассказывал в интервью [pravmir.ru](#) Чаплин. — Прогуляв школу или удрав из нее пораньше, можно было подъехать в середине дня на Чистые пруды. Там в кофейне ресторана «Джальтаранг» уже с одиннадцати утра тусовались хипы, можно было выпить кофе, поговорить о пагубности хиппиизма и о грязных волосах окружающих людей. Если не получишь за это в морду, то около двух-трех часов дня можно было двигаться дальше. Например, в одну из пивных на Покровских воротах, в это время туда уже подтягивалась какая-то часть юной интеллигенции, с которой можно было поговорить о ядерной войне. И о том, кто будет после Черненко. И о том, приедет ли в Россию и сколько еще проживет Солженицын, и что он еще напишет.

Потом можно было идти на службу либо в Антиохийское подворье, либо в Брюсов переулок. Там собиралась своя публика. С этой публикой мы ходили по Красной площади взад-вперед, огибая собор Василия Блаженного, и говорили, говорили... В основном опять же о политике, но часто и о практике молитвы, о языке богослужения, о возможности или невозможности реформ в Церкви.

Метро закрывалось в 1:15, в это время нужно было вскочить в последний поезд и поехать домой. На такси тогда денег точно не было,

поэтому нужно было успеть. Всегда, впрочем, успевали».

Когда в школе все узнали, что у них учится верующий ученик, одна учительница решила унизить Всеволода и прямо на уроке перед всем классом ехидливо спросила: «Ты что — связался с религиозными мракобесами?» Чаплин в ответ вышел к доске и прочел проповедь. Но после этого поступка Всеволоду пришлось все-таки сменить школу. А позже слух о чуждых советскому школьнику увлечениях дошел до партийных верхов, и директора школы вызвали на ковер в райком КПСС, где влепили выговор. Атеистическое государство тогда ревностно ограждало своих граждан и от церкви, и от всяких хиппи.

* * *

Собственно, от хиппи и молодых людей, быстро потерявших веру, Чаплин вскоре сам ушел. По его словам, слишком многие предавались бесконечному поиску, за которым ничего не следовало. Очень многие погрязли в пороках: большое количество неформалов скончалось от наркотиков. Московская богема, не питавшая патриотических чувств, разъехалась по разным странам. И большинство тогдашних активных верующих молодых людей ушли в католицизм и иудаизм, потому что, как тогда говорили, «преклонялись перед Западом».

* * *

«Но я очень рад, что тогдашний выбор меня никак не обманул, ведь это был Божий

призыв, — рассказывал Чаплин в интервью «URA.Ru». — Бог обмануть не может. Да, поменялись люди в храмах, да, храмов стало больше, но то присутствие Бога, которое я ощущал тогда, никак не изменилось. Ведь главное в церкви — это Он, а не меняющаяся реальность. Бог неизменен, он-то и есть самая настоящая реальность. То, что окружает нас, — лишь отражение его света, к тому же перемешанное с нашей тьмой».